

Игорь Мерцалов

**НОВЕЙШАЯ ОПТОГРАФИЯ
и другие
занятные истории**

16+

Игорь Мерцалов

**Новейшая оптография и
другие занятные истории.
Сборник рассказов**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Мерцалов И. В.

Новейшая оптография и другие занятные истории. Сборник рассказов / И. В. Мерцалов — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Рассказы в жанре иронического фэнтези из авторского цикла «Новейшая оптография» о приключениях молодого учёного мага, который разработал метод, позволяющий запечатлевать не просто образы, а истинную суть вещей. Открытие приносит неожиданные результаты и порой ставит Непеня Сударого, его секретаршу, студентку агромагического училища Вереду, верного помощника упыря Персефония и домового Переплёта в весьма затруднительные положения.

Содержание

Несколько слов о «Новейшей оптографии»	5
Новейшая оптография	6
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Несколько слов о «Новейшей оптографии»

Всё началось с одного рассказа. Он возник в голове словно ниоткуда, целиком, сразу со всеми персонажами и их нестандартными именами. Впоследствии он стал первой главой романа «Новейшая оптография и призрак Ухокусай». В настоящий сборник я включил его для читателей, не знакомых с романом.

«Обман» и «Спросонское чудовище» продолжают тему. В них у метода новейшей оптографии обнаруживаются неожиданные эффекты и появляется фигура ещё одного обитателя провинциального Спросонска – принципиальный сыщик Заручкин, которому предстоит сыграть заметную роль в последующих событиях.

Если эти рассказы придутся читателям по вкусу, надеюсь, их порадует известие, что оба станут главами романа «Новейшая оптография и Зачарованная Невеста», который я рассчитываю выпустить в 2020 году.

«Упырь на бирже труда» и «Чисто тролльское преступление» могли бы стать прологом и эпилогом книги «За несколько стаканов крови» о молодости упыря Персефония, одного из ведущих героев «Новейшей оптографии». Но в этом случае «Стаканы» сделались бы громоздкими. Так что роман остался цельным произведением, в котором остросюжетное повествование не прерывается ни на минуту.

Рассказы же вполне самостоятельны. Если у читателя возникнет вопрос, что происходило с Персефонием между биржей труда в Лионеберге и мостом троллей в весёлом городе Фрибурже, достаточно сказать, что он совершил короткое, но насыщенное опасностями путешествие по стране, пережившей гражданскую войну, обзавёлся миллионом, но остался честным малым.

А теперь довольно предисловий – добро пожаловать в мир, где люди живут бок о бок с мифологическими существами, а научная магия стремительно движет прогресс! Начнём со Спросонска...

Новейшая оптография

*Щит из пяти составил листов и на круге обширном
Много дивного бог по замыслам творческим сделал.
Там представил он землю, представил и небо, и море...
...В битвах, как люди живые, они нападают и бьются...
...такое он чудо представил.
Гомер, «Илиада»*

Смутные сны посещали Сударого в эту ночь, лоскутные – и сплошь какие-то неприятные. То виделось, что сам царь-государь приходит к нему на сеанс, а в ателье пыльно, и половица скрипит, и, вот же подлость, у табурета ножка шатается, так что царю сидеть неудобно, аж корона на бок съезжает, и он её ловит беспрестанно (а всё это, надо сказать, за исключением царя, и наяву место имело). И вот будто бы, протолкавшись меж гвардейцев, которых на каждом углу по паре, подбегает к царю премьер-министр и стенает: невместно, мол, государю в таком убожестве находиться, надо в ателье к мсье де Косье идти; и в гневе едва успеваешь вскочить царь-батюшка с предательского табурета, который как раз падает, и удаляется, и утекает сквозь пальцы Сударого счастливый шанс: снимок, который мог бы его и озолотить, и прославить, утекает к закланному конкуренту Кривьену де Косье.

То причудилось, что ему судебный пристав повестку приносит, а в ней сказано, что «г-н Сударый вызывается в суд в качестве обвиняемого по делу об оскорблении чести и достоинства» – не царя, слава Богу, но какого-то тоже важного лица.

То приоблазнилось, что собрался он готовить новый состав, а в лавке ему серебряного порошку в долг уже не отпускают.

А потом самое досадное приснилось: будто Сударому счета приносят за оба месяца, а у него где-то целая куча золота на столе лежит, только он не помнит, где и на каком, мечется по дому, найти не может, а с приказчиком от хозяина лавки сразу судебный пристав пришёл (тот самый, из сна про повестку), и они говорят: «Всё вы врётё, господин Сударый, нету у вас никакого золота, а ждать нам уже никак невозможно, так что...»

Самый противный сон, честное слово. Главное – правдоподобный до жути (исключая кучу золота). Уж во сне-то, казалось бы, можно от этих мыслей отдохнуть!

А потом солнце ударило в глаза – на миг, потому что шторы мгновенно задернули. Раздался воинственный крик, и на Сударого напал упырь.

И это уже было на самом деле.

Молодой оптограф проснулся мгновенно, они покатались по ковру. Упырь был силен, даже необычно силен сегодня, но знание приемов помогло Сударому скрутить его.

– Довольно, Персефоний, – пропыхтел он наконец. – Всё, я уже свернул тебе голову.

– Между прочим, вы дважды укушены, Непеняй Зазеркальевич, – заметил Персефоний, помогая Сударому подняться. – Ну-с, а теперь – за рапиры!

Они прошли в соседнюю комнату, при необходимости служившую гостиной или спортивным залом, сняли со стен рапиры и принялись фехтовать. Упырь быстро набрал преимущество в три укола и, несмотря на все старания оптографа, стойко удерживал фору.

– Силен ты нынче! – признал Сударый. – Хорошо поработал ночью, что-то крупное попалось?

Схваченный полгода назад за бродяжничество и взятый Сударым на поруки упырь, кроме того, что работал в ателье, на общественных началах служил в подотделе по очистке города от бродячих животных.

– Не то слово! Кавказский овчар, да? – похвалился Персефоний, почему-то начиная говорить с акцентом. – Савсэм злой, нэмножка бэшений. Вот такой, да? – показал он щедрым рыбацким жестом и добавил: – Это в талии...

– Фантазёр ты, Персефоний. Ну откуда в современном городе возьмется бродячая кавказская овчарка? Сказал бы хоть: зомби, можно ещё поверить.

– Ну что вы, Непеняй Зазеркальевич, – скривился упырь. – Разве с зомби кровушка в жилах заиграет? Одно слово – нежить... мышами и то скорее наешься. А тут, точно вам говорю, крупная была зверюга.

– Ну, добро. Ты уже отдышал?

– А мне теперь на ближайшие сутки без надобности, хоть весь день по солнцепёку гоняйте!

– Отлично, тогда проверь запас реактивов и приберись в студии. Проследи, чтобы Переплёт хорошенько подмёл, а то пылица у нас – перед клиентами стыдно.

Упырь занялся делом, а Сударый совершил утренний туалет, оделся в коричневый костюм (собственно, единственный), повязал галстук-бабочку и спустился вниз.

Из студии неслись препирательства упыря и домового Переплёта. Слышалось ворчливое: «Я и костюм гладь, я и всё...»

Насчёт убожества премьер-министр во сне, конечно, преувеличил, но спору нет: обстановка в приёмной бедновата. Стол секретарши, шкаф для верхней одежды, вешалка для посетителей, стойка для тростей, а ещё полупустой стеллаж, который запланирован для альбомов с репродукциями, живые картинки на стенах – вот и всё. Пустовато как-то. Пальму в кадке, что ли, поставить? Фу как глупо...

Вереда уже была на месте. Заметив Сударого, поспешно спрятала что-то в ящик стола и приветливо улыбнулась начальнику.

– Доброе утро, Непеняй Зазеркальевич!

– И тебе утро доброе, Вереда.

В ящике кто-то отчетливо шебаршился, но Сударый сделал вид, будто ничего не замечает. Непозлобина Вереда Умиляевна, студентка-второкурсница, училась на заочном отделении факультета биомании, получала стипендию и в ателье работала на полставки, а работала очень хорошо, к тому же, была собой миловидна, так что молодой оптограф смотрел сквозь пальцы на её пристрастие к экспериментам на рабочем месте, лишь бы результаты экспериментов не попадались на глаза посетителям.

– Будь добра, загляни, пожалуйста, в астрологический календарь и скажи: сбываются ли сегодняшние сны?

Девушка, оставив попытки щелчками по ящику успокоить сидящий там плод её биоматических упражнений, открыла календарь и объявила:

– Нет, Непеняй Зазеркальевич... Ах, простите, проглядела: у вашего знака – сбываются!

– Прекрасно, – не то просто в воздух сказал, не то попытался внушить себе Сударый, которому после нынешних снов оставалось уповать лишь на то, что царь как будто бы не покинул столицы. – Так, что у нас намечается на сегодня?

Вереда открыла журнал.

– Сегодня, Непеняй Зазеркальевич, у нас удачный день, и не по астрологическому календарю, а по предварительной записи. На десять часов романтический портрет, на десять тридцать и одиннадцать – торжественные портреты в мундирах, из них один – на поле брани. И на три – групповой снимок, фамильный портрет на восемь персон с собачкой.

– Интересно, собачка включена в состав персон? – хмыкнул появившийся в приёмной Персефоний. – Непеняй Зазеркальевич, с реактивами туго. Только я больше в лавку не пойду, меня там даже слушать не хотят. Вы бы сами как-нибудь? А я пока табурет почию.

– А что с табуретом? – несколько более нервно, чем собирался, спросил Сударый.

– Да ножка расшаталась. Но вы не тревожьтесь, я сделаю.

– Превосходно, – кивнул оптограф, усилием воли вернул себе боевое расположение духа и, окинув генеральским взором личный состав, объявил: – Итак, сегодня большой день, господа, и мы должны провести его достойно! Готовьтесь, я буду, как всегда, через сорок минут.

* * *

Постукивая тростью по брусчатке, Сударый прошёл до середины квартала, пересёк проезжую часть, пропустив повозку-самокат и двуколку, запряженную рысаком, поморщился вместе с другими прохожими, когда какой-то лихач на ковче-самолёте с несносным провинциальным шиком промчался мало не по головам, и вошёл в «Обливион», кафе, принадлежавшее господину Кренделяки.

Несмотря на слухи о мастерстве упомянутого господина, «Обливион» не числился среди лучших заведений города Спросонска, потому и цены в нём были приемлемые. Сударый сел за свой любимый столик у окна. К нему подошла русалка (официантками у Кренделяки работали только русалки), он заказал себе салат и, памятуя о предстоящих заработках, ма-аленький бифштекс под соусом пикан, особенно упирая на то, что бифштекс ма-аленький не просто так, а потому, что под соусом пикан большие и средние бифштексы попросту неуместны. Кроме того, заказал он себе чашку кофе и утреннюю газету.

В ожидании заказа Сударый изучил газету, профессионально интересуясь не столько новостями, сколько размещёнными на полосах спиритографиями. Впрочем, не удержался от того, чтобы внимательно просмотреть первую страницу – но нет, царь-батюшка планировал награждения двух генералов, переговоры с послом из Забугорья по поводу импорта окорочков магически взращённых кур, торжественный бал в честь вернувшихся на прошлой неделе с дальнего севера землепроходцев, а визита в Спросонск отнюдь не планировал, по крайней мере, сегодня.

Спиритографии газетные, как всегда, оставляли желать лучшего, однако грубых ошибок и недочётов Сударый, к сожалению, не заметил. Вкладывая деньги в собственное ателье, он очень рассчитывал на знание новейших оптографических методик, однако надежды не спешили оправдаться. Тогда он предпринял массированное наступление на прессу, и непосредственно редактору губернского «Вестника Спросонья» адресовал целых три письма, в которых, апеллируя к конкретным примерам, указывал на недостатки в работе редакционных спиритографов и предлагал свои услуги. Однако письма его остались безответными, хотя Сударый и отметил, что высказанные им замечания явно учтены.

Так что уже ничуть не вдохновляло его на новый штурм газетного мира качество традиционной печати, при котором изображения получались чёрно-белыми, слегка размытыми, едва шевелящимися и повторяющимися весьма короткий цикл движений. Землепроходцы, заснятые непосредственно при возвращении, кланялись, как заведенные, один из награждаемых генералов, стоя на трибуне, тянул руку к карману, чтобы извлечь бумажку с речью, но так и не доставал её, а царь-батюшка только хмурил брови.

Лучшая спиритография номера располагалась на предпоследней странице, отданной на растерзание местным поэтам. Отлично экспонированный снимок изображал берёзу на обрыве у реки Лентяйки. Судя по тому, как плавно шевелилась чётко очерченная крона, текли по небу облака и без малейшего разрыва пролетала стая неопределённых птиц, снимок можно было рассматривать часами, а может, он даже запечатлел переход заката в звёздную ночь. Впрочем, Сударый давно заподозрил, что для ежемесячной поэтической полосы когда-то давно был сделан кем-то отличный панорамный снимок, который с тех пор нарезают и выдают по кусочкам. Сразу под пейзажем располагались стихи одного из виднейших местечковых музоложцев, как презрительно именовал провинциальных пиитов один столичный знакомый Сударого, Нахлаба

Смасловича Воспевалова, под названием «Лентяйка – значит «лента»». Первая строка была такая:

Лентяйка – значит «лента», а не «лень»...

Сударый пробежал глазами по правому краю стихотворной колонки и обнаружил рифмы «день», «сень», «тень», «Словень», снова «лень», «кипень», вносящее некоторое разнообразие, хотя и просторечное «довсклень», страшно диссонирующую с общей тональностью опуса «древбень» и снова «сень». Он покачал головой. Нет, не стал бы он ради сих строк создавать новую спиритографию, да ещё такую хорошую!

Меж тем был принесен салат, а за ним и бифштекс, и Сударый, на минуту выбросив из головы все посторонние мысли, только-только приступил к нему, как за столик напротив него сел тучный господин весьма представительного вида.

– Доброе утро. Невменяй Залазьевич, если не ошибаюсь, спиритограф? – поинтересовался он.

– Непеняй Зазеркальевич, – поправил Сударый. – Но действительно спиритограф. Точнее даже сказать, оптограф.

– Позвольте представиться: Рукомоев Захап Нахапович, секретарь градоправителя. Очень удачно, что мы с вами встретились, у меня ведь к вам, представьте, дело. И связанное именно с тем, что вы, как бы сказать, не вполне спиритограф, то есть даже, собственно, оптограф... А дело вот в чём: нынче моё семейство будет спиритографироваться в вашем ателье.

– Семейный портрет на восемь персон, – кивнул Сударый.

– С собачкой, – добавил Рукомоев. – Дело, собственно, вот в чём. Вы, как я слышал, используете в своих... оптограммах э-э... новейшие разработки забугорских учёных.

– И не только забугорских! – поспешил заверить Сударый. – В своих изысканиях я опираюсь на опыт учёных и Заморья, и Загорья, а брошюра известного незадальского исследователя Рукивногича о призматических объективах вообще остаётся у меня настольной книгой! Я уже не говорю о великом труде нашего гениального соотечественника Незавида Бескорыстовича Подаряева «О призматическом разложении ауры»...

– Э-э... да-да, – вежливо покивал головой Рукомоев. – Так вот и я о чём: поговаривают, будто эта новейшая метода позволяет прямо-таки новые горизонты открывать и глубины освещать...

– Простите, но вы, кажется, Захап Нахапович, несколько... далековаты от обсуждаемой темы? – улыбнулся Сударый, сообразив, что помощник губернатора, определенно консерватор, поддался минутному порыву и сделал заказ, а потом стал мучиться вопросом, что с ним в ателье будут делать. – Позвольте, я вам вкратце расскажу, по возможности избегая терминов, которые человеку свежему, разумеется, не могут быть понятны.

– Вот-вот, с удовольствием бы я вас послушал, – согласился Рукомоев.

Сударый подозвал русалку, попросил ещё кофе, и стал набивать трубку табаком. Рукомоев попросил себе кофе с коньяком и тоже набил трубку.

– Разумные издревле стремились создать заклинания, позволяющие запечатлеть те или иные образы, – начал Сударый. – Но в прежние века работа велась кустарными способами, носители были ненадежны, и каждый мастер использовал собственные заклинания, так что другой не мог зачастую даже воспроизвести образ с уже готового носителя. Главная же ошибка предшественников заключалась в том, что они пытались запечатлеть образы непосредственно, что приводило к появлению фантомов, големов и прочих кадавров, порой даже точно копирующих оригинал – что, впрочем, приносило одни неприятности. Только на современном уровне развития алхимии стало возможным фиксировать зрительный образ, который сам по себе содержит огромное количество информации об объекте. Ведь спиритограф – это, вопреки мнению некоторых невежественных разумных, не уловитель духа, а всего лишь описатель духа. Изображение, в котором ярко выражена духовная составляющая объекта или сущь-

екта съемки... предмета или разумного, иными словами, – поправился Сударый, видя, что его собеседник всё же не без труда следит за ходом мысли, – начинает самостоятельно производить действия, характерные для того, с кого сделан снимок. Но и эти методы нельзя назвать совершенными. Количество информации, записываемой обычным способом, довольно невелико, и порой это приводит к неточностям и искажениям. Да вот, полюбуйтесь, – сказал он, показывая Рукомоеву хмурающегося царя на первой полосе. Рукомоев неосознанно подтянулся. – Судя по тексту, государь произносит речь, полную оптимизма и благодарности героям, прославившим нашу державу. Так отчего же на снимке он хмур? А просто так совпало, что в миг, когда оператор спиритокамеры делал снимок, государь – мельком, быть может, – подумал о чем-то мало-приятном. Для изображения мимолётная мысль стала главной. Дабы изображение вело себя правдоподобно, требуется длительная экспозиция... м-м, требуется держать объект съёмки в кадре хотя бы несколько минут, иногда до часа... Так вот, виднейшие ученые предположили, что совершенствовать спиритографию надо не за счёт увеличения экспо... времени съёмки, а за счет концентрирования информации. Вы и представить себе не можете, каких поразительных результатов позволяет добиться обыкновенная двояковыпуклая линза в одну диоптрию! Кроме потока световых лучей, она фокусирует и биоэнергетические потоки. Благодаря этому получаемое изображение условно проявляет многие свойства объекта съёмки, даже те, что не были явны непосредственно в момент спирито-, а точнее, оптографирования. Конечно, все это стоит больших расходов... требуются усовершенствованные алхимические составы для оптопластин, принципиально новые заклинания... Но результат поразителен!

– Вот про свойства бы хотелось поподробнее, – вставил слово Рукомоев. – А лучше сделаем так: вы уж позвольте, Непеняй Зазеркальевич, старому ворчуну рассказать, в чем дело, поведать, так сказать, причину скорби сердечной, а уж после обговорим детали. Но дело у меня к вам, по правде, свойства деликатнейшего...

– Вы можете быть уверены в моем молчании! – заверил его Сударый, не совсем понимая, что такого деликатного может быть связано с достижениями магической науки.

– Коротко говоря, не так давно устроил я счастье своей дочери, ненаглядной Заптянуни. В зятя ко мне угодил молодой Молчунов, Незагрош Удавьевич. Человек фамилии порядочной, небеден, да и собой весьма недурён. Устроил я его приличествующе, в губернскую канцелярию. Всё хорошо, но с некоторых пор... Ах, и сказать-то неловко, но где нынче правды искать, как не в высоких достижениях науки! В общем, перестал я ему вдруг доверять. И ведь ничего-то определённого сказать против него не могу, чтобы там подозревать в чём-то – ни-ни! Но – не доверяю и всё тут. Уже сам исстрадался, не в силах разгадать терзающих старое сердце сомнений – и вот прослышал о достижениях волшебства оптографии. И подумал: вот бы хорошо такую пластину изготовить, на которой именно личные свойства Незагроша нашего Удавьевича, в обычной жизни от глаз, быть может, сокрытые, явны станут.

– Ах, вот что вы имели в виду! – сообразил Сударый. – Боюсь, я должен огорчить вас. Дела подобного рода...

– Обсуждаются приватным образом, – перебил его Рукомоев. – Как мы с вами и делаем. Надеюсь, вы не думаете, что я способен пойти с вашим оптоснимком в суд? Конечно, при условии, что снимок вообще покажет что-то предосудительное. В том-то и соль, что мы с вами действуем приватнейшим образом, любезный Непеняй Зазеркальевич! – успокоил он оптографа, приятно улыбнувшись.

– Вы меня не совсем поняли. Моральный вопрос относительно данного случая пока даже не стоит, ибо научные разработки находятся ещё в стадии эксперимента...

– Ста рублей вам хватит? – чуть наклонясь вперед, спросил Рукомоев, и Сударый поперхнулся окончанием фразы.

По молодости лет он привык мыслить в космических, или, по крайней мере, планетарных масштабах, однако конкретная цифра впечатляла не в пример сильнее. Сто рублей! За

самые качественные снимки в своей студии он брал по полтора рублика с персоны, в особых случаях по два, как намеревался взять сегодня с одного из торжественных мундиров, которому требовалась на оптопластине, кроме собственной личности, добротная наведённая иллюзия. По три рубля с персоны платили ему те, кто хотел, как нынче Рукомоевы, получить не просто оптопластину, а богатый портрет, пригодный для вывешивания в раме на стене.

Сто рублей!

И ведь нравственный вопрос действительно не стоит! И не встанет до тех пор, пока того не потребует практика. И вообще, знаете вы, господа, что такое сто рублей для привыкшего во всём себе отказывать молодого энтузиаста в провинциальном городе?

Это новейший, превосходный, изготовленный на единственном в мире чужедальском заводе призматический объектив, который поступил месяц назад в алхимическую лавку и там пылится пока за ненадобностью на полке, потому что заказавший его звездочёт обнаружил совершенную несовместимость с имеющимися у него приборами. Вроде бы де Косье на него посматривал, не иначе, просто из вредности, но – шиш де Косье, не нужен ему объектив, а кому нужен, тот придет и купит. И рублей после этого останется ещё – о, Боже! – целых семьдесят!

А семьдесят рублей для означенного молодого человека в указанных условиях – это оплаченные счета, после чего рублей останется ещё сорок два.

А сорок два рубля – это новый, сшитый по мерке, костюм, штиблеты и десяток воротничков, после чего рублей останется ещё тридцать четыре. А тридцать четыре рубля – это... это...

Ах, да что там скарещничать, на зарплату сотрудникам можно наскрести из обычных доходов, а сейчас – выплатить им по червонцу премии! Заслужили, по-честному говоря! И домовому пятёрку – захочет, на себя потратит, захочет – по хозяйству чего прикупит, он самостоятельность любит. Впрочем, почему же пятёрку, господа, всё ту же десятку! И рублей останется ещё... восемь, потому что шут с ними, с воротничками, да и со штиблетами тоже, пусть будет хороший костюм – а на остальные деньги сразу купить реактивы и даже останется на нормальный бифштекс! А то и на два. Уж на кофе точно останется. А табак и в долг теперь отпускают...

* * *

Покинув «Обливион» и чувствуя себя так, словно он вдруг напрочь забыл, кто он, где и зачем он, молодой оптограф прошёлся вверх по улице. Спohватившись, посмотрел на часы, обнаружил, что времени минуло гораздо меньше, чем он ожидал, и тогда, вспомнив о насущном, бросился в алхимическую лавку. Реактивы – это в первую очередь.

А без призматического объектива, который вдруг, скачком, приблизился из недостижимого далёка и сделался так близок, Сударый теперь не то, что работать, дышать бы не смог.

По дороге он старался успокоиться и охолонуться. Сто рублей – а скорее, та лёгкость, с которой они перекочевали в его тощий карман, – выбили Сударого из колеи, но, чтобы отработать деньги, необходимо иметь спокойные нервы и трезвую голову. Ни единой промашки быть не должно! Нельзя ни в коем случае забывать, что семейство Рукомоевых – одно их самых почитаемых не только в городе, но и во всей губернии. Не сравнить, конечно, с государевым, но, грубо говоря, если табуретка хряпнется под кем-то из Рукомоевых, хоть бы даже и под собачкой, особой разницы Сударый не ощутит.

За прилавком нынче стоял сам алхимик, жгучий брюнет, маленький и худощавый, но вполне внушительный в неизменных волшебных очках-духовидах. Обрадованный как возвращенным долгом, так и возможностью избавиться от залежавшегося товара, он даже скинул два рубля с объектива и полтинник с реактивов.

Но, как видно, Сударый был слишком озабочен предстоящими хлопотами, и обретение вожделенного объектива прошло как-то обыденно и отмечено было одним или двумя усилен-

ными стуками сердца, не более. На сэкономленные деньги оптограф (гулять так гулять!) взял извозчика, за четверть часа прокатился вдоль магазинов, приобрел два новых воротничка (себе и Персефонию), розу для Вереды, а также свежезаряженный световой шар и благовонный цветик-семицветик, способный истреблять в воздухе пыльную затхлость, для студии.

В десять ровно он подкатил к ателье, поздоровался в дверях с первыми клиентами, четой молодожёнов, сдал покупки Переплёту и прямо с порога взялся за работу. Романтический пейзаж у него был заготовлен ещё со вчерашнего дня, наведённая иллюзия легла на оптопластину ровнёхонько, и такое начало трудового дня Сударый счёл благоприятным знаком.

Он трудился, а творческая мысль зрела, зрела и наконец вызрела. Закончив съёмку, Сударый первым делом отправил мальчишку-посыльного с записками в лавку алхимика и в библиотеку. И только потом, вынув из камеры и передав Персефонию оптопластину с романтическим портретом (упырю, прекрасно видевшему в темноте, часто приходилось работать со светочувствительными материалами), вспомнил о розе и воротничках. Первая заняла место на рабочем столе девушки, вторые – на шеях живого и неживого мужчин, непостижимым образом придав им уверенности в своих силах.

Правду сказать, работники ателье не вполне понимали возбужденного состояния молодого оптографа. Съёмка Рукомоевых – дело, конечно, ответственное, но чтобы Сударый на себя не походил... Только отсняв носителей мундиров, которые были сослуживцами и пришли вместе, так что между ними и следующими клиентами образовалась временная лакуна в два с лишним часа, Сударый разъяснил товарищам суть дела.

– Ой, – сказала на это Вереда. – Непеняй Зазеркальевич, может быть, лучше не надо? Я, конечно, не специалист и не могу давать советы, но проводить эксперименты на разумных...

– На добровольцах, Вереда, на добровольцах! – твёрдо заявил Сударый. – Захап Нахапович сам изъявил желание воспользоваться экспериментальной методикой съёмки. Желание клиента – закон. Да и не в нём, по совести говоря, дело. А в том, что у меня есть идея, формула, и счастливый случай дарит мне подходящего клиента. Призматический объектив, новый серебряный состав и новое заклинание произведут настоящую революцию в оптографии! Персефоний, возьми объектив, только осторожно, и установи на «Зенит». Вереда, у тебя ведь по алхимии пятёрка?

– Да, но это же не профильный предмет...

– Немедленно в лабораторию, я скажу Переплёту, чтобы выдал тебе ингредиенты, трансмутируй мне тридцать грамм серебра высшей пробы «холодным» способом. Я сейчас отправляюсь ещё за кое-какими покупками... Да, Персефоний, мне нужна идеально прозрачная стеклянная пластина! У нас останется час для нанесения состава.

– А я пока приберусь в студии, – вызвался захваченный энтузиазмом господина оптографа домовой.

* * *

Алхимик, обрадованный платежеспособностью уже списанного было со счетов клиента, старательно подобрал заказанный через посыльного товар и даже обратился к Сударому с приветливым:

– Никак, дела пошли, Непеняй Зазеркальевич?

– Не без того, Клинт Клинович, не без того, – приговаривал оптограф, укладывая покупки.

Следующим пунктом его вояжа была библиотека. Однако вместе с ним из лавки алхимика вышел хорошо одетый молодой человек приятной в целом наружности, несколько подпорченной бегающим взглядом. Он обратился к Сударому с вопросом, не он ли будет Невнят Завиральевич, а услышав в ответ, кем Сударый был, есть и надеется оставаться в дальнейшем,

весьма обрадовался, объявив, что его-то он, оказывается, и искал, а никакого не Невнята Завиральевича. Представившись Незагрошем Удавьевичем, он сказал:

– Вы, кажется, спешите? У меня здесь коляска-самовоз, если позволите, я вас подвезу, а по дороге мы сможем переговорить по одному деликатному делу.

Сударому в коляску не хотелось. Что-то слишком много деликатных дел накручивается вокруг одного-единственного оптографического снимка. Правда, снимок на восемь персон, да ещё с собачкой, но от той хотя бы интриги ожидать не приходится. Однако Незагрош был настойчив.

– Поверьте, это в ваших же интересах, – убеждал он.

«Что ж, выслушаю, по крайней мере», – решил Сударый и, подчиняясь приглашающему жесту Молчунова, шагнул к коляске.

Коляска у рукомоевского зятя была роскошная – хермундского производства шестиместный кабриолет класса «джинномобиль» со стальными рессорами и со штатом прислуги в составе миловидной сильфиды в фартучке и очкастого гнома в лихо заломленной на затылок кепке и испачканной машинным маслом куртке.

Они поклонились владельцу коляски, затем сильфида распахнула перед людьми дверцу, а гном занял своё место за рулём и тронул магический кристалл, гнездившийся на оси рулевого колеса, и самовоз покатил к названной Сударым библиотеке. Молчунов жестом отправил сильфиду, пытавшуюся вручить пассажирам прохладительные напитки, из салона на передок и обратился к оптографу:

– Сегодня в «Обливионе» вы имели приватную беседу с отцом моей жены. И, конечно же, он просил вас изготовить обличающий меня снимок.

– Не понимаю, о чем вы говорите, – нахмурился Сударый.

– Да бросьте, господин оптограф, – махнул тот рукой. Вообще, едва полог кабриолета отрезал их от внешнего мира, Молчунов разительно изменился: из голоса его исчезла показная доброжелательность, глаза перестали бегать и глядели теперь на собеседника прямо. – Разумеется, я не подслушивал, и не могу воспроизвести ваш разговор дословно. Но я прекрасно знаю, как Захап Нахапович ко мне относится. Я человек решительный и честолюбивый. С моей молодостью, силой и настойчивостью, я действительно намереваюсь в течение трех-четырех лет обогнать его в карьерном росте. При этом, однако, я не намереваюсь в будущем ни забывать, ни тем более принижать людей, которые мне сей этап обеспечивают, то есть почтенное семейство Рукомоевых, и уж тем более не намерен я бросать когда-либо мою Запяташку, мою прекрасную жену. А вот Захап Нахапович этого не понимает, потому что сам на моём месте непременно бы втоптал в грязь тех, кто ему помогал. Впрочем, это все к делу относится лишь косвенно, а важно теперь вот что: Захап Нахапович ищет возможности удалить меня из семьи, уличив в чем-нибудь неблаговидном, на службе или в сфере семейных отношений. С недавних пор он заинтересовался достижениями новейшей оптографии, выписал пару книг, изучил целый номер «Ежемесячного спиритографа», ничего в прочитанном не понял, но стал обращаться к знакомым за советом – и вскоре услышал о вас, господин Сударый, как о спиритографе нового поколения. Когда он разместил в вашем ателье заказ на групповой снимок, я сразу понял, в чём дело. Сам я, надо сказать, несколько более сведущ в спиритографии. Как-никак, постоянно слежу за столичной прессой, за мировой культурой. Да что там, нынче даже в «Зайке» такие оптографии печатают, что... в общем, успехи современной магии, так сказать, налицо. Я прекрасно знаю, что нарочно выявить то или иное человеческое свойство оптографам не под силу, как раз наоборот, все стремятся к созданию цельного образа. И, разумеется, не стал бы я вас беспокоить, если бы не одно опасение. Если вам удастся при помощи новейших методик сделать достаточно совершенный, сложный снимок, на котором достаточно широко отразился бы мой внутренний мир, Захап Нахапович непременно отыщет на нём что-нибудь, чтобы поставить мне в вину. Понимаете, элементарной ложной интерпретации жеста или выражения лица

будет достаточно, чтобы разрушить мою карьеру и разбить сердце мелейшей Запяташки! Да, если бы снимки могли разговаривать... но ведь они не могут, так? – уточнил Незагрош.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.